

«Философ хочет все понимать»

В юности А. Ф. Лосев (23/IX–1893, Новочеркасск — 24/V–1988, Москва) написал интересное, к сожалению незавершенное, сочинение «Высший синтез как счастье и веденье» (1911)*. Здесь им выдвигается принцип единства науки, философии, религии, искусства и нравственности, которое и составляет высший синтез духовной жизни человека. В понимании юного Лосева этот высший синтез нашел свою опору в соловьевской теории всеединства, с которой он познакомился еще в последнем классе классической гимназии Новочеркаска, своего родного города.

Высший синтез остался для Лосева главным принципом его философского и жизненного мировоззрения, а юношеская работа оказалась поистине программной — стала тем зерном, из которого выросло мощное древо лосевской философии. И для зрелого Лосева идея «всеединства» и «высшего синтеза» неизменно актуальна.

«Всеединство» и «высший синтез» не были для Лосева только отвлеченными, умозрительными понятиями. Мне кажется, что большую роль сыграло здесь само устройство его жизни, начиная с детских лет. От отца, Ф. П. Лосева (он оставил семью, когда ребенку было всего три месяца), математика, скрипача, церковного регента

* См.: Лосев А. Ф. Мне было 19 лет... Дневники. Письма. Проза / Сост., предисл., ком. А. Тахо-Годи. М., 1997.

и дирижера казачьего войскового хора, Лосев унаследовал, по его собственным словам, «вечное искательство и наслаждение свободной мыслью», «разгул и размах идей». От матери, Н. А. Лосевой, дочери протоиерея собора Михаила Архангела в Новочеркасске (там крестил дед внука), он воспринял строгое православие, трудолюбие, нравственные устои жизни. Недаром еще гимназистом, в 1909 г., он написал сочинение «Атеизм. Его происхождение и влияние на науку и жизнь»*, где уже выставляет тезис о единении науки и веры, о целостном восприятии мира через веру и знание. С горячностью, для него характерной, он обличает атеистов, используя факты современных научных исследований.

Приверженность к науке, философии, древним языкам, литературе, математике пробудилась рано и подерживалась учителями гимназии, которую Лосев неизменно любил, помнил и называл «кормилицей»**. Сочинения Платона впервые подарил ему И. А. Микш, учитель греческого и латинского языков (друг выдающегося филолога-антиковеда Ф. Ф. Зелинского), сочинения Вл. Соловьева он получил из рук директора гимназии Ф. К. Фролова при переходе в последний класс. По инициативе последнего Лосев сделал в классе свой первый доклад и написал сочинение «Ж.-Ж. Руссо и диссертация „О влиянии наук на нравы“»***. «В работе вся цель жизни. Работать над самим собой, учиться и учить. Вот мой идеал», «Я не для балов и не для танцев, а для служения науке, для поклонения прекрасному», «Одна наука. Только ты одна приносишь мне утешение», —

* Студенческий меридиан. 1991. № 5.

** Именно ее, «родную гимназию», и гимназический храм в память свв. Кирилла и Мефодия, просветителей славян, вспомнил Лосев в конце жизни в философском эссе «Реальность общего», которое я прочитала на 9-й день по его кончине, 24 мая 1988 г. (как раз в день памяти Кирилла и Мефодия), на международной конференции, посвященной Тысячелетию крещения Руси (Лит. газ. 1988. 8 июня).

*** Человек. 1995. № 1.

пишет он гимназистке Ольге Позднеевой*. Любимое его изречение в те годы: «Если ты молишься, если ты любишь, если ты страдаешь, то ты человек».

Вне философии юный Лосев не мыслит жизни. Он пишет в дневнике: «Есть единое знание, единый нераздельный дух человеческий. Ему служите!», «Вы хотите быть философом? Для этого надо быть человеком...»**

Но без искусства тоже нет полноты жизни. Лосев получает профессиональное музыкальное образование в школе скрипача-итальянца Ф. Стаджи, лауреата Флорентийской музыкальной академии им. Керубини.

Жить без традиций тоже немислимо. Они укрепляли нравственные устои человека. Юный Лосев помнил своих предков-казаков, защитников родины, воевавших в Русско-турецкую войну и в Отечественную войну 1812 г. Он знал, что один из прадедов, тоже Алексей, отличился в так называемой Битве народов под Лейпцигом в 1813 г., будучи сотником под командой полковника Ридигера, а за участие во взятии Парижа был награжден не только Георгием, но и потомственным дворянством***.

Итак, приходит к выводу Лосев в дневниковых записях, наука, религия, искусство, философия, нравственность обособленно существуют в пределах нашей обыденной, повседневной жизни. Если же выйти за эти пределы, то придется «признать Высший синтез в качестве настоящего ведения и абсолютного счастья». Тогда получится «новая философия, с новыми задачами и новыми методами»****.

Окончив гимназию с золотой медалью, А. Ф. Лосев поступил в Московский императорский университет на

* Переписка с О. Позднеевой напечатана (с сокращениями) в журнале «Октябрь» (1999, № 6). Полностью см.: Лосев А. «Я сослан в XX век...» / Сост. и ком. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М., 2002. Т. II. С. 163–340.

** Лосев А. Ф. Мне было 19 лет... С. 45.

*** За редкие архивные сведения я глубоко благодарна ныне покойному А. А. Новикову. Полковник Ридигер — предок патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

**** Лосев А. Ф. Мне было 19 лет... С. 45.

историко-филологический факультет. Университетские годы открыли ему имена многих замечательных мыслителей, сыгравших большую роль в его последующем творчестве. Так, поистине откровением для молодого человека оказались идеи Э. Гуссерля. «Кажется, я понял его феноменологию», — пишет Алексей Федорович в дневнике 27 мая 1914 г.* В университете же определилось стремление к глубокому теоретическому изучению идей Платона, его диалектики и проявилось их жизненное понимание. Лосев учился на двух отделениях — философии и классической филологии и, кроме того, работал у проф. Г. И. Челпанова** в Психологическом институте. По рекомендации профессора Лосев в 1911 г. стал членом Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, где познакомился с такими религиозными философами и писателями, как Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, о. Павел Флоренский, Н. А. Бердяев, Вяч. Иванов. Все они сыграют великую роль в становлении молодого ума, а о. П. Флоренский в 1922 г. в Сергиевом Посаде обвенчает Алексея Федоровича Лосева и Валентину Михайловну Соколову.

Можно сказать, что «полнота жизни», к которой призывал А. Ф. Лосев и к которой сам неизменно стремился, была, по его мнению, проявлением «абсолютного счастья» и «настоящего ведения». Об этом писал молодой человек в раннем произведении о «Высшем синтезе» и об этом же размышлял, работая над ранними статьями («О мироощущении Эсхила» — на нее дал положительную рецензию Вяч. Иванов, «Эрос у Платона», «О музыкальном ощущении любви и природы», «Два мироощу-

* Там же. С. 126.

** О близких отношениях Г. И. Челпанова и А. Ф. Лосева см. журнал «Начала» (1994, № 1). Большую работу «Исследования по философии и психологии мышления» (1915–1919) Лосев посвятил Г. И. Челпанову как своему учителю и «борцу за истинную психологию в России». См.: Лосев А. Ф. Личность и Абсолют. М., 1999.

щения», «Философское мировоззрение Скрябина», «Философский комментарий к драмам Вагнера», «Русская философия» и др.). Не случайно он всегда стремился к выявлению характерных особенностей того или иного типа исторически сложившегося целостного мироощущения и мировосприятия.

В 1918 г. молодой Лосев* вместе с С. Н. Булгаковым и Вяч. Ивановым задумал издание серии небольших книжек из 13 выпусков по «религиозно-национально-философской» проблематике под названием «Духовная Русь». Алексей Федорович должен был осуществлять общую редакцию. Согласно его убеждениям, в работах этой серии не должно было быть «никаких партийных точек зрения и никакой злободневности»**, они должны были освещать чисто научные вопросы, необходимые для понимания исторического и жизненного опыта, выявлять типичные черты «духовной Руси»***. В письме к М. В. Сабашникову**** А. Ф. Лосев перечисляет авторов, которые дали свое согласие участвовать в этом издании. Здесь Вяч. Иванов, Н. А. Бердяев, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, С. Н. Дурылин, Г. И. Чулков, С. Л. Сидоров, причем сам редактор готовил две статьи: одну о русской национальной музыке, другую — о Римском-Корсакове и Вагнере. По понятным причинам тогда, в 1918 г., серия так и не вышла.

Историческая и мировоззренческая специфика той эпохи выявляется в богословских докладах Лосева, сде-

* Окончив университет в 1915 г., Лосев под руководством проф. Н. И. Новосадского готовился к получению профессорского звания, которое получил в 1919 г. и в котором был утвержден в 1921 г.

** Письмо к о. П. Флоренскому; впервые опубликовано в сб.: «Контекст»-90. М., 1990. С. 13.

*** Подробно см.: Тахо-Годи Е., Троицкий В. «Духовная Русь» — неосуществленная религиозно-национально-философская серия // Вестник РХД. 1997. № 176. См. также: Иванов Вяч. Архивные материалы и исследования. М., 1999.

**** Хранится в Рукописном отделе РГБ, ф. 261, к. 5, ед. хр. 19.

ланных им в первой половине 1920-х гг., а «долголетие», по его словам, изыскания в области античной философии становятся основой для его восьми книг, вышедших в конце 1920-х гг.

В первой половине 1920-х гг. уже идет интенсивная работа ученого над фундаментальными трудами, печатать которые нет возможности. Известно, что труднейшая «Философия имени» была готова в 1923 г., «Античный космос и современная наука» — в 1925 г., отдельные главы-очерки «Музыки как предмета логики» готовились в 1920–1921, 1924, 1925 гг. В эти же годы написана «Диалектика художественной формы» (1926), ряд глав для книги «Очерки античного символизма и мифологии» готовы были в первой половине 1920-х гг., а вся книга завершена к 1928 г.

Лосев — профессор Московской консерватории, где готовит курс «Истории эстетических учений» от Античности до XX в. включительно. Он член Государственной академии художественных наук с 1923 г. по 1 февраля 1930 г., когда начали сокращать штаты, а затем и вовсе закрыли Академию, которая была средоточием ученых, литературоведов, философов, психологов, эстетиков, музыковедов, лингвистов — всего цвета интеллектуальной Москвы. В Академии Алексей Федорович не только заведовал Музыкально-психологической комиссией (1924), но и был председателем Комиссии по форме при философском отделении (1924–1925), а также заведовал Комиссией по изучению эстетических учений того же отделения (1926–1927) и был членом Комиссии по изучению художественной терминологии при философском отделении (1928). В 1929 г. его пригласили занять должность ученого секретаря группы по изучению музыкальной эстетики, но тут уже подошли последние дни Академии.

А. Ф. Лосев с большой ответственностью участвовал в жизни ГАХНа. В 1924–1925 гг. за семь месяцев он посетил 31 доклад философского отделения; в 1925–1926 гг. за восемь месяцев он принял участие в обсуждении

38 докладов. С 1924 по 1929 г. сам выступил с 41 докладом*.

Как видим, научная работа шла чрезвычайно интенсивная, и вот в конце 1920-х гг. началось издание долгожданных книг. В 1927 г. — «Античный космос и современная наука», «Философия имени», «Диалектика художественной формы», «Музыка как предмет логики»; в 1928 г. — «Диалектика числа у Плотина»; в 1929 г. — «Критика платонизма у Аристотеля»; в 1930 г. — «Очерки античного символизма и мифологии», «Диалектика мифа». В каждой из этих книг выявлялась и изучалась автором специфика науки (космология, астрономия, математика), политических и этических учений, мифологии и религии, а также философии разных периодов Античности. Изучались характерные черты философско-религиозных проблем, эстетических теорий и художественных форм (в том числе музыкальных) в культуре Средних веков и Нового времени. Однако представить античный тип культуры во всей его целостности, в духе высшего синтеза еще не пришло время. Автор реализовал свою мечту о типологическом исследовании, высказанную в книге «Очерки античного символизма и мифологии», через десятки лет в «Истории античной эстетики» (т. I–VIII, 1963–1994), где воссоздал неповторимый лик античной культуры, ее своеобразный исторически сложившийся тип, опираясь при этом на тысячи фактов философских, исторических, литературных, языковых, математически-астрономических, геометрически-музыкальных, а также фактов общественной жизни и повседневного быта**.

* Деятельность А. Ф. Лосева, действительного члена ГАХНа, детально отражена в архивных материалах, представленных в статье: Дунаев А. Г. А. Ф. Лосев и ГАХН (исследование архивных материалов и публикация докладов 20-х годов) // А. Ф. Лосев и культура XX века. М., 1991. С. 197–220.

** Все подробности о жизни и творчестве А. Ф. Лосева см. в книге: Тахо-Годи А. А. Лосев. М., 1997 (серия «ЖЗЛ»). 2-е изд., доп. и испр. М., 2007.

К 1930 г. выпущено было восемь книг и еще две готовились к печати. Одна — «Вещь и имя» — в Сергиевом Посаде (типография Иванова), вторая — «Николай Кузанский и средневековая диалектика» — в Твери (в государственной типографии). Книги распространялись через «Книгосоюз», через «Международную книгу» и «Госиздат». Тиражей — от 750 до 1500 экземпляров — хватало на то, чтобы передать в библиотеки, послать ученым, подарить. Из отечественных ученых одним из первых значимость этих книг понял знаменитый индолог академик Ф. И. Щербатской, приславший Лосеву с автографом свою книгу «The Conception of Buddhist Nirvana», вышедшую на английском языке в Ленинграде в 1927 г. Алексей Федорович в ответ послал Ф. И. Щербатскому свою «Философию имени» — тоже надписав ее. Оба сознавали глубинные связи двух великих философских систем древности*.

О книгах Лосева стало известно и за рубежом. Так, уже в 1928 г. С. Л. Франк в журнале «Путь» (Париж) в статье «Новая русская философская система» (январь, № 9) писал, что книги Лосева свидетельствуют о том, что, несмотря на ужасающее давление марксизма, философское творчество в России не замерло. Лосев, по словам Франка, «несомненно, сразу выдвинулся в ряд первых русских философов» и подтвердил своими книгами, что в России «жив дух истинного философского творчества, пафос чистой мысли, направленной на абсолютное, — пафос, который сам есть, в свою очередь, свидетельство духовной жизни, духовного горения» (с. 90).

Известный историк философии Дм. Чижевский оценил книги Лосева как создание «целостной философской системы», «осуществленной... обоснованной и

* См. на эту тему: Шейнман-Топштейн С. И. Платон и ведийская философия. М., 1978; Жоль К. К. Сравнительный анализ индийского логико-философского наследия. М., 1981; О соотношениях неоплатонических мотивов и японской средневековой философской традиции см.: Штейнер Е. С. Иккю Содзюн. М., 1987. Все эти книги подарены авторами Лосеву и хранятся в его библиотеке.

утвержденной на своеобразном подходе к миру и жизни»*. Доктрина Лосева, отмечал Чижевский, «стоит в русле живого развития философской мысли современности» (с. 515), а «историческое содержание» его работ имеет «первостепенное значение, и не только для русской философской литературы» (с. 517). Книги Лосева — «замечательный симптом того философского кипения и тех философских творческих процессов, которые где-то под поверхностью жизни совершаются в России» (с. 520). Но вот именно это «философское кипение» власти сочли особенно вредным для напуганного общества, поскольку аресты уже начались.

Как рассказывал мне Алексей Федорович, с выходом его книг одни из знакомых вдруг перестали здороваться, другие — посещать дом Лосевых, третьи не узнавали на улице. Готовилось закрытие ГАХНа, началась кампания по выборам в Академию наук СССР (для ее «оздоровления») известных деятелей ВКП(б) и теоретиков марксизма**. «Вечерняя Москва» сообщила: «Началась чистка ГАХНа» (№ 119. 1930. 26 мая). Но еще в 1929 г. в «Комсомольской правде»*** появилась статья И. Бачелиса под длинным заголовком «Бессмертные от мертвых идей. Академия Худ. Наук в плену у реакционеров. Требуем вмешательства пролетарской общественности». В этой статье, разоблачавшей «реакционеров» Академии художественных наук, констатировалось: «Здесь довольно плотное ядро составляют идеалисты шпетовской закваски — Габричевский, Жинкин, Цирес, Лосев, Недович, Родионов (подчеркнуто в газете. — А. Т.-Г.)

* Философские искания в Советской России // Современные записки. Париж, 1928. XXXVII. С. 510.

** См.: «Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Вестник Архива Президента РФ. 1996. № 3. С. 109–140.

*** Комсомольская правда. № 42. 1929. 20 февр. См. также: На литературном посту. 1930. № 19; Григорьев М. Реакционная «диалектика». Эстетическое учение Лосева (о «Диалектике художественной формы». 1927).

и т. д.». Автор вопрошал: «Сколько их еще, таких же реакционеров, только без особых, бросающихся в глаза примет?» Да, хорошо сказано — «шпетовская закваска». Выдающийся русский философ Г. Г. Шпет долгие годы был вице-президентом ГАХНа при президенте, интеллигентнейшем и доброжелательнейшем П. С. Когане. По И. Бачелису, Г. Г. Шпет выпестовал целую плеяду реакционеров. А все это были крупные ученые, философы, эстетики, психологи, литературоведы, переводчики, действительно набиравшие силу в стенах ГАХНа, где для развития науки и П. С. Коган, и Г. Г. Шпет создавали благоприятные условия.

Материал на Лосева, судя по тем обличительным выступлениям, статьям, рецензиям, документации следователей, готовился задолго до истории с изданием «Диалектики мифа» и написанием «Дополнения» к этой книге. Власти, да и не только власти, но и те, кто именовал себя философами-марксистами, будь они «механистами» или «диалектиками», не могли вынести обилия печатных трудов идеалиста Лосева. За три года — восемь книг, сложных, трудных, с огромным количеством греческих и латинских текстов, не говоря уже об уровне научности, эрудиции и знании современной европейской мысли. Если трудно понять — значит мистика. Если слишком много издают — значит надо запретить. Влияние философа-идеалиста опасно, особенно на молодых.

А. Ф. Лосев не занимался темами, «которые соответствовали моменту, имели так называемую ударность и дали бы возможность политического и материального заработка». Он брал темы, «которые считал важными с научной точки зрения». «Я — человек науки, далекий от соображений карьеры», — объяснял он в своих показаниях следователю*. Свобода от политических, карьерных и материальных соображений, погруженность в науку

* Следственное «Дело № 100256 по обвинению Лосева Алексея Федоровича и др.». Т. 8, л. 490.

давали Лосеву, не собирающемуся преуспевать в советском обществе, внутреннюю независимость и свободу. И эту особенность подметил М. М. Пришвин, также сам далекий от материальной и карьерной зависимости. Он писал в своем «Дневнике»: «Чем дальше человек от действительности — вот удивительная черта, — тем прочнее держится он. Пример — я как писатель, Лосев как философ» (17/XI-1937)*. Внутреннюю «прочность» Лосеву придавало и его знание марксизма. После 1925 г. он стал заниматься трудами Энгельса, Маркса, Ленина. Идеалисту-диалектику следовало знать своих оппонентов. Алексей Федорович, по его словам, «хорошо пережевывал Маркса». «Я могу, — утверждал он, — спорить с большинством марксистов и уверен, что большинство из них хуже, чем я, разбираются в марксизме». Отсюда его уверенность в том, что он имеет право «на известное своеобразие мышления»**.

Вот эта «прочность» поведения и «своеобразие мышления» бесили противников. «Этим воспользовались, — говорит Алексей Федорович, — и начали травлю против меня»***. С Лосевым следовало кончать. Все шло к этому, а особенно когда стала известна история со «злосчастной» «Диалектикой мифа».

Книгу А. Ф. Лосев завершил в 1927 г. И поскольку она лежала без движения, он начал ее постепенно дополнять.

Многие вставки, сделанные им, были самого обычного научного характера и ничего принципиально нового не содержали. Это видно по экземпляру машинописи (с вставками, написанными от руки), возвращенному мне из ФСБ (1995). Именно этот экземпляр прошел цензуру (так же как и подготовленная работа «Вещь и имя») после замечательного в своем роде заключения

* За это сообщение благодарю издателя «Дневника» Л. А. Рязанову. «Дневник» М. М. Пришвина с записями 1937 г. теперь опубликован.

** Дело... Т. 8, л. 490.

*** Там же.

политредактора Главлита, члена ВКП(б) С. Л. Басова-Верхоянцева (7/IX–1929), известного в те годы как поэт-баснописец. Цензор отметил сначала, что автор «философского трактата» — «чуждый марксизму (идеалист)», и привел ряд тезисов в подтверждение своей мысли: «Миф не есть фикция», а «подлинная и максимальная, конкретная реальность»; далее, «весь мир, все живое и неживое одинаково суть миф и одинаково суть чудо», «миф есть развернутое магическое имя». Затем следовала резолюция совсем не бюрократического характера: «Разве только в интересах собирания и сбережения оттенков философской мысли, м. б., и можно было напечатать эту работу, столь не материалистически и не диалектически построенную»*. Видимо, поэт-баснописец взял верх над цензором, и тот, несмотря на идеализм Лосева, решил сохранить для будущего «оттенки философской мысли». Да, поэт-цензор признал мысли Лосева философией без кавычек. Его поддержал тов. Гришин, тогдашний зам. зав. Русского отдела Главлита, начертав: «Печатать 500 экз. М. Гришин. 7/IX–29 г.». (Заметим, что Гришина потом уволили, а Басова-Верхоянцева на полгода отстранили от работы**.)

Задумав ускорить печатание, Алексей Федорович объединил «Диалектику мифа» и «Вещь и имя» в одну книгу — «Диалектика мифа и сказки». В это же время он завершил большое (в несколько сот страниц) «Добавление к „Диалектике мифа и сказки“», полагая, что предшествующий текст несколько устарел, но «Добавление» (или, как всегда в обиходе автор называл его, «Дополнение») не было разрешено к печати цензурой. Тогда А. Ф. Лосев пустился на отчаянный шаг. Он решил разъединить «Диалектику мифа и сказки»: «Вещь и имя» отправить в типографию Иванова в Сергиев Посад, а в «Диалектику мифа», уже допущенную цензурой, вставить, по сути дела контрабандно, несколько десятков страниц из «До-

* Дело... Т. 8, л. 197.

** Там же, л. 195.

полнения», причем самых опасных. Происходило это в самом Главлите, где Валентина Михайловна Лосева вместе с некой сотрудницей Марией Ивановной приводила в соответствие лосевский и главлитовский экземпляры при разбивке «Диалектики мифа и сказки» на две самостоятельные работы*. Факт, что в главлитовский экземпляр были сделаны вставки, остался незамеченным, и книга ушла в типографию. Однако 18 апреля 1930 г., в ночь на Страстную пятницу, А. Ф. Лосев был арестован, и в постановлении ОГПУ прямо говорится о «поводе» ареста — вставке в разрешенную рукопись добавлений «контрреволюционного содержания». В справке, составленной Соловьевым**, начальником IV отдела ИНФО ОГПУ, указывается, что на с. 89, 98–134, 241–263 (а это глава XIV — переход к реальной мифологии и идея абсолютной мифологии) содержится криминал, который теперь всем известен, — о пролетарской идеологии, об отношении социализма к искусству, о материализме, вере и знании, о теле как проявлении духа, о монастырских службах. Более подробные, так сказать антисоветские, выписки из «Диалектики мифа» сделал секретарь ИНФО Кучеров***. Именно они послужили материалом для будущего выступления Л. М. Кагановича на XVI съезде партии.

Сам Алексей Федорович — как видно из его показаний от 1 июля 1930 г. — также полагал, что был арестован за сделанные вставки. Однако уже то, что справка Соловьева составлена в день ареста, свидетельствует о том, что материал готовился заранее и что «повод» не является подлинной причиной. Действительно, впоследствии в деле, к которому было привлечено 42 человека, об указанном «поводе» не упоминалось ни слова. Все было серьезнее: вопрос стоял о том, «что такое вообще русская философия в данный момент и допустима или

* Дело... Т. 2, л. 494–495.

** Дело... Т. 8, л. 193–196.

*** Там же, л. 171–180.

нет литературно-философская деятельность» вроде Лосевской.

Последние два года перед арестом Лосев работал в обстановке нападок и злостного критиканства. Он признавался в своих показаниях следователю Герасимовой, что его «непопулярность» объясняется, с одной стороны, травлей, поднятой Дебориным (впоследствии оказавшимся «меньшевиствующим идеалистом», по определению Сталина) и всей его компанией*, а с другой — характером его трудов, трактующих вопросы античной философии, добавим — труднейшие вопросы, на основе труднейших греческих текстов. Лосев не боялся сказать, что «за границей» его «больше знают и ценят, так как там ценится чистая наука», «здесь же ее игнорируют»**. Он не скрывает и свою религиозность и полагает, что «марксизм не есть научный метод» и «отрицать религию с точки зрения марксизма — невозможно, так как религия есть социологическая реальность», которая «неизбежна и нужна так же при социализме, как и в другие эпохи»***.

Политических публичных выступлений Лосев избегал, так как опасался, что ему могут «пришить какие-либо преступные мысли». Но в ГАХНе, выступая по докладу Альшванга о фашизме, он указывал как на ряд общих черт правящих партий в СССР и в Германии, так и на коренное различие в их идейном содержании****. Лосев был явно неосторожен. Он не знал, как отзовется это его выступление в дальнейшем. Так, слушатель Цукерман под факт выступления Лосева в ГАХНе подводил политическую подоплеку. По его словам, «Лосев за-

* Доклад на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений (проходил 8–13/IV–1929 г. в Комакадемии) напечатан в изд.: Деборин А. Современные проблемы философии марксизма // Вестник Комакадемии. 1929. № 32 (2). Статья публиковалась трижды отдельным изданием в 1929–1930 гг.

** Дело... Т. 8, л. 183.

*** Там же, л. 185.

**** Там же, л. 184.

явил, что нет никакой разницы между Советской властью и фашизмом»*.

Уже после ареста Алексея Федоровича, 14 мая 1930 г., в газете «Правда» (№ 131) в разделе «Библиография» была опубликована статья А. Сараджева «Против поповско-идеалистической реакции», в которой подвергались критике семь вышедших книг ученого. «Диалектика мифа» — подчеркнем это — здесь не упоминается. На заседании в Институте философии Коммунистической академии 21 мая 1930 г. Х. Гарбер делал доклад «Против воинствующего мистицизма А. Ф. Лосева» (Вестник Комакадемии. М., 1930. № 37–38), где также не упоминается «Диалектика мифа». В журнале «Под знаменем марксизма-ленинизма» (1929. № 10–11) перечислены «идеологические враги марксизма-ленинизма», и в их списке «по-русски Гуссерль читается Шпет, Фрейд — скажем, Ермаков, а Бергсон — Лосев». Можно сделать вывод, что в мае книга задержана, официально не вышла. Материалы, исходящие из недр ОГПУ, все эти справки, постановления и заключения, касающиеся «Диалектики мифа», были подготовлены только к концу июня 1930 г. — их использовал в своем докладе на XVI съезде ВКП(б) Л. М. Каганович на четвертом утреннем заседании 28 июня. Книга Лосева, «философа-мракобеса», свидетельствовала об обострении классовой борьбы и о недостаточности бдительности, особенно «по линии культуры, по линии литературы»**. В ОГПУ готовились и другие материалы***, они, как теперь стало известно, были посланы под грифом «совершенно секретно» Е. Ярославскому, члену Президиума и секретарю ЦКК ВКП(б),

* Справка, подписанная нач. 4-го отделения ИНФО ОГПУ Штрангфельдом (Дело... л. 192).

** XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 75.

*** Одна из справок следователя Герасимовой была впервые опубликована А. В. Гулыгой в журнале «Родина», № 10, 1989, другая появилась в журнале «Источник» — Приложении к журналу «Родина», раздел «Старая площадь» (Вестник Архива Президента РФ. 1996. № 4).

уже в связи с «Добавлением к „Диалектике мифа“». Так, следователь Герасимова*, чтобы подвести А. Ф. Лосева под статью 58/10, сделала из «Добавления» интересные для ОГПУ выписки — нечто вроде конспекта, крайне тенденциозного. Самую большую часть книги — богословскую, она просто проигнорировала. Среди цитат (а их в книгах Лосева всегда сотни) из множества различных статей и книг она выискивала фрагменты социально-политического характера, которые вне контекста всей рукописи и всей философской концепции Лосева можно было интерпретировать с выгодной для

* В «Деле» Лосева меня заинтересовала роль следователя Герасимовой, о которой архивисты из Президентского архива при своей публикации в «Источнике» не дали никаких сведений. А между тем судьба этой женщины достаточно примечательна. Ведь участие в политическом процессе женщины-следователя не столь частое явление, хотя, кажется, достаточно знаком всем по литературе образ женщины-комиссара в кожаной тужурке. Да и не только в литературе. Вспомним, например, хотя бы известную Ларису Рейснер.

После моей беседы с чл.-корр. РАН, известным географом-океанологом, проф. Г. Б. Удинцевым (внучатым племянником Мамина-Сибиряка и другом В. Д. Пришвиной), которому я особенно благодарна, выяснился ряд фактов из жизни семьи чекистки Герасимовой, поскольку семьи Удинцевых и Герасимовых были хорошо знакомы еще в дореволюционные времена по Екатеринбург.

В семье Герасимовых было два брата и две сестры. Один из братьев, Борис, дослужился до генеральского чина в армии Колчака, был схвачен вместе с последним, но избежал смертного приговора, так как при аресте, тяжело избитый, попал в больницу, откуда ему удалось исчезнуть с помощью жены, хотя впоследствии, уже в Москве (видимо, в 1927 г.), он был арестован и бесследно исчез. Другой брат, кузен, Сергей Аполлинарьевич, стал выдающимся советским кинорежиссером. Одна из сестер, Валерия, вошла в число преуспевающих писателей, другая — Марианна — училась в свое время в гимназии, писала сентиментальные стихи и дружила с дочерью Юровского, будущего палача царской семьи. Вот эта Марианна стала убежденной чекисткой в годы революции. В 1930 г. Марианна Герасимова вела следствие А. Ф. Лосева. Однако в связи с арестом Г. Ягоды и приходом к вла-

следствия точки зрения (Лосев упоминал и цитировал сочинения В. Зомбарта («Современный капитализм»), Плеханова и Маркса, Шеллинга, Фихте, Гегеля, Платона и исследователей мифологии Платона — Л. Кутюра, Дж. Стюарта, В. Вилли, К. Рейнхарда, а также Ницше и Вяч. Иванова, О. Уайльда, О. Вейнингера и В. В. Розанова, а также Н. Ф. Федорова). Таким образом, видимо, и создавалась некая «брошюра», оказавшаяся в руках Горького в 1931 г. (он ссылается на некую «рукописную копию нелегальной брошюры профессора Лосева»), когда он готовил статью «О борьбе с природой»*, в которой

сти Ежова ее (в 1937 или 1938 г.) арестовали, а потом отправили в лагерь. При Хрущеве М. Герасимову реабилитировали, и она, надеясь на новую работу в органах НКВД, явилась на Лубянку, где ее встретили достаточно холодно. Марианна Герасимова вернулась домой (она жила у сестры Валерии) и покончила с собой, повесившись в уборной. В услугах прежней чекистки, видимо, не нуждалось новое поколение Лубянки, жизнь стала бесцельной, оставалось одно — умереть. Судьба «ласковой кобры», как не раз называл ее в письмах из лагеря А. Ф. Лосев (вспоминая стихи З. Гиппиус «Боль»: «Как ласковая кобра я, ласкаясь, обовьюсь. И опять сожму, сомну, винт медлительно ввинчу, буду грызть, пока хочу». — *Гиппиус З.* Собрание стихов. Книга вторая. М., 1910. С. 86–87), — свершилась.

* Статья Горького была напечатана в «Правде» и «Известиях» 12 декабря 1931 г. О тенденциозности имевшегося в его распоряжении материала свидетельствует следующее. Горький приводит цитату из «Дополнения», в которой, по его словам, дается «характеристика русского народа»: «Рабы в душе и по сознанию, обыденно скучны, подлы, глупы. Им свойственна зависть на все духовное, гениальное» и т. д. Именно эта цитата находится в «Рецензии» Герасимовой. Но относится она в «Дополнении» к изложению взглядов Платона на устройство рабовладельческого государства. Горький же обратил ее в адрес русского народа. Но что можно ждать от великого писателя, который в письме из Италии Г. Ягоде делится такими творческими планами: «Сплю и вижу: написать пьесу „Вредитель“», а то просит не оставить его без свежих новостей с Родины и не забыть «о подборе материалов по разговорам», т. е. вражеским, конечно. (См. сб. «Неизвестный Горький» (М., 1994), на который обратил мое внимание В. П. Троицкий.)

признал Лосева «слепым», «малограмотным» профессором, опоздавшим умереть. Сам Алексей Федорович тогда (отбыв во внутренней тюрьме Лубянки 17 месяцев, из которых четыре — в одиночке) уже трудился на стройке Беломоро-Балтийского канала на Свирьстрое (сначала была Кемь со сплавом леса, а потом, по инвалидности, перевели на Свирьстрой сторожем на лесную биржу).

В свете вышесказанного вернемся к вопросу об истинной причине ареста Алексея Федоровича — она была связана с проблемами религиозными, а именно имяславскими. Однако арестовать человека за чисто теоретические богословские рассуждения было трудновато, надо было доказать антисоветскую направленность его сочинений. Именно поэтому бóльшая часть «Дополнения», касающаяся абсолютной мифологии, оказалась для следователей ненужной. К тому же сам Лосев и так не скрывал своей веры, своих церковных связей и своих философских разработок богословского учения об имени Божиим, так называемых имяславских проблем, или оноματοдоксии*.

Учение об имени Божиим известно еще с IV в. по богословским спорам в Византии, по Ареопагитскому корпусу (VI в.), по трудам св. Григория Паламы (XIV в.), в которых излагается его понимание сущности и энергии Божией. Как многие знают, эти богословско-философские проблемы связаны в России не только с именами известных афонских деятелей, таких как иеромонах о. Антоний (Булатович), соборный старец о. Ириней (Цуриков), архимандрит Давид (Мухранов), но и с именем св. Иоанна Кронштадтского, проф. М. Д. Муретова, выдающегося богослова, философов Вл. Эрнэ, В. Н. Муравьева, философов-богословов о. П. Флоренского, о. С. Бул-

* См.: Лосев А. Ф. Личность и Абсолют. М., 1999, где помещены заново выверенные и дополненные тезисы имяславских докладов А. Ф. Лосева начала 1920-х гг., а также его статья «Онома-тодоксия» (в переводе с немецкого). Материалы по истории имяславия см.: Начала. 1995. № 1–4.

гакова, еп. Федора (Поздеевского), о. Ф. Андреева, математиков проф. Д. Ф. Егорова, Н. М. Соловьева, физика проф. Н. Н. Бухгольца и других известных ученых.

Официальное православие относилось к имяславцам настороженно и принимало меры (вплоть до насильственных) для прекращения афонских споров. Но Московская синодальная контора на суде над 25 главными афонскими имяславцами (в том числе о. Иринеем и о. Давидом) вынесла определение, что у иноков «нет оснований и отступлений ради учения об имени Божиим от православной веры». Им было разрешено Св. причастие и священнослужение. Синод утвердил это Определение 10–24/V–1914 г. за № 4136, однако не обнародовал и не распространил свое решение на всех иноков.

Дело имяславцев вообще не было рассмотрено в 1918 г. на Священном соборе Православной церкви России, и официально вывода об имяславии как о ереси сделано не было. Не случайно сам патриарх Тихон не раз сослужил с о. Давидом (Дело... Т. 11, л. 246).

Имяславские симпатии и связи Лосева были хорошо известны ОГПУ, поэтому следствие сосредоточилось не на философском осмыслении имяславия, а на реальных фактах современной действительности с ее церковными спорами и разладом, придав, как это было естественно, политическую, антисоветскую окраску всему делу.

Однако сфабриковать нечто значительное ОГПУ не удалось. Это было настолько очевидно, что ряд «участников» получил трехлетнюю высылку, нескольких освободили. Лосев, как «теоретик» имяславия, получил 10 лет, М. А. Новоселов, как «практик» имяславия, — 8 лет. В связи с завершением строительства Беломорканала и инвалидностью Лосева (он почти ослеп), благодаря хлопотам Е. П. Пешковой и З. А. Таргонской, друга Лосевых, хорошо знавшей Е. П. Пешкову еще до революции (см.: *Лосев А. Ф., Лосева В. М. Радость на веки. Переписка лагерных лет. М., 2005*), Алексей Федорович в 1933 г. досрочно вышел из лагеря.

Что же, в конце концов, представляло собой это загадочное «Дополнение к „Диалектике мифа“»?*

Среди рукописей А. Ф. Лосева, возвращенных мне из ФСБ 25 июля 1995 г., вместе с текстом «Диалектики мифа» (главлитовский номер А 45070, где Главлит «к печати разрешает») и некоторых разрозненных материалов лежал истрепанный, разорванный по краям титульный лист с заголовком «Добавление к книге А. Ф. Лосева „Диалектика мифа и сказки“» (№ А 45070а)** с другой, грозной резолюцией «не печатать». Только титульный лист — машинопись и красный штамп. Сам текст, как мне не раз говорили в ФСБ, «не может быть найден, так как он отсутствует».

В архиве Лосева сохранился, однако, ряд глав «Дополнения». Вместе с текстами, возвращенными мне из ФСБ, они составляют теперь около 300 страниц машинописного текста. Ряд фрагментов (тогда еще не было известно, что это фрагменты «Дополнения»), в том числе «Диалектика бесплотных сил» и «Абсолютная диалектика — абсолютная мифология», был опубликован в 1994 г. в томе «Миф. Число. Сущность»***, а замечательная большая глава о Божественном алфавите, собственно об имени Иеговы, которая оказалась IV главой «Вещи и имени», полностью напечатана в 1999 г. в томе «Личность и Абсолют». Обнаруженные сейчас новые находки также публикуются.

* Возможно, что это так называемое «Дополнение», приложенное к заявлению А. Ф. Лосева в Главлит от 30/XII-1929 г. с просьбой о напечатании целиком «Диалектики мифа и сказки», вместе с дополнительными главами попало в ОГПУ из Главлита еще в 1929 г. Текст заявления Лосева см. в публикации А. А. Тахо-Годи «Я от всех все беру и всех критикую» (Русская мысль. 1996. 21-27 нояб.).

** Таким образом, судя по заголовку, в действительности существовало «Добавление», а не «Дополнение», как многие десятки лет называют этот текст и как он именуется в «Деле» Лосева и самим его автором.

*** Глава «Диалектика бесплотных сил» — во фрагменте, который имел условное название «Первозданная сущность».

Содержание

А. А. Тахо-Годи. «Философ хочет все понимать» 5

ДИАЛЕКТИКА МИФА

Предисловие 33

ДИАЛЕКТИКА МИФА 35

I. Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел 36

II. Миф не есть бытие идеальное 38

III. Миф не есть научное и, в частности, примитивно-научное построение 43

1. Определенная мифология и определенная наука могут частично совпадать, но принципиально они никогда не тождественны (43–45). 2. Наука не рождается из мифа, но наука всегда мифологична (45–50). 3. Наука никогда не может разрушить мифа (50–53). 4. Миф не базируется на научном опыте (53–56). 5. Чистой науке, в противоположность мифологии, не нужна ни абсолютная данность объекта, ни абсолютная данность субъекта, ни завершенная истинность (56–60). 6. Существует особая мифологическая истинность (60–62)

IV. Миф не есть метафизическое построение 62

1. Метафизичности мешает посюсторонность и чувственность мифа (63–66). 2. Метафизика — научна и наукообразна, мифология же — предмет непосредственного восприятия (66–67). 3. Эта особенность мифологии универсальна (включая христианство) (67). 4. Мифическая отрешенность и иерархичность (67–69)

V. Миф не есть ни схема, ни аллегория. 70

1. Понятие выразительной формы (70–71). 2. Диалектика схемы, аллегории и символа (71–79). 3. Разные слои символа (79–82). 4. Примеры символической мифологии (82–96): а) учение о цветах у Гёте (82–85) и б) у Флоренского (85–87); с) объективность цветной мифологии (87–88); d) символическая мифология лунного света, электричества и др. (88–92); е) природа у Пушкина, Тютчева и Баратынского, по А. Белому (92–96)

VI. Миф не есть поэтическое произведение. 96

1. Сходство мифологии с поэзией в области выразительных форм (97). 2. Сходство в области интеллигенции (97–99). 3. Сходство с точки зрения непосредственности (99–100). 4. Сходство в отрешенности (100–101). 5. Глубочайшее расхождение в характере отрешенности (101–102). 6. а) поэзия возможна без мифологии (102–104), и б) мифология возможна без поэзии (104–105). 7. Сущность мифического отрешения (105–108). 8. Принцип мифической отрешенности (108–113): а) новая форма объединения вещей (108); б) изначальная инстинктивно-биологическая реакция в мифе на мир (109–111); с) все на свете есть миф (111–113)

VII. Миф есть личностная форма 113

1. Резюме предыдущего (113–115). 2. Основная диалектика понятия личности (115–118). 3. Всякая живая личность есть так или иначе миф (118–119). 4. Мифологически-личностная символика (119–133): а) символика и мифология полов (119–122); б) вещей домашнего обихода, болезней (122–124); с) поступков (124–125); d) «физиологических» процессов и «воображения» (125–129); е) трепещущая неоднородность мифического времени и ее различие в разных религиях (129–133). 5. Очерк диалектики мифического времени (133–139). 6. Сновидения (139–141). 7. Выход к новому углублению понятия мифа (141–143)

VIII. Миф не есть специально религиозное создание. 143

1. Наиболее общее сходство и различие мифологии и религии (143–145). 2. Энергичность и субстанциальность религии (145–147). 3. Лик и личность в мифологии; примеры из типов живописного пространства (147–152). 4. Религия не может не порождать из себя мифа (152–156)

IX. Миф не есть догмат 156

1. Миф — историчен, догмат — абсолютен (156–157). 2. Мифический историзм (157–159). 3. Фиксация понятий религии, мифологии и догматического богословия (159–162). 4. Мифология и догматика веры и знания (162–170). 5. К мифологии материализма (170–177): а) вне-логический характер опоры на ощущение (170–171); б) различные понимания материи (171–172); в) субъективизм (173–174); г) материя как принцип реальности, физические теории (174–175); д) абстрактная метафизика, мифология и догматика в материализме (175–177). 6. Буржуазная мифология материализма (177–182). 7. Типы материализма (182–186). 8. Мифология и догматика в учениях о I. субъекте и объекте (186–188), II. идее и материи (188–189), III. сознании и бытии (189–191), IV. сущности и явлении (191–192), V. душе и теле (192–196), VI. индивидуализме и социализме (196), VII. свободе и необходимости (196–197), VIII. бесконечности и конечности (197–199), IX. абсолютном и относительном (199–200), X. вечности и времени (200), XI. целом и части (201), XII. одним и многим (201–202). 9. Заключение (202)

X. Миф не есть историческое событие как таковое . . 202

1. Природно-вещественный слой истории (203–205). 2. Слой сознания и понимания (205–209). 3. Слой самосознания или слова (209–211)

XI. Миф есть чудо. 211

1. Вступление (211–213). 2. Что не есть чудо? (214–221): а) чудо не есть просто проявление высших сил (214–215), б) чудо не есть нарушение «законов природы» (215–221). 3. Другие теории чуда (221–223). 4. Основная диалектика чуда (223): а) встреча двух личностных планов (223–224); б) которые могут быть в пределах одной и той же личности (224–225); в) это — планы внешне-исторический и внутренне-замысленный (225–227); г) формы их объединения (227–229); д) чудо — знамение вечной идеи личности (229–233). 5. Целесообразность в чуде в сравнении с другими типами целесообразности (233–236): а) Кант о логической и эстетической целесообразности (233–235); б) понятие личностной целесообразности (235–236). 6. Оригинальность и специфичность мифической целесообразности (236–243): а) отличие от сферы частичных функций личности (236–237); б) личность — неделима (237–

238); чудо не есть ни с) познавательный (238–241), ни d) волевой (241–242), ни e) эстетический синтез (242); f) резюме (242–243). 7. Реальное бытие есть разная степень мифичности и чудесности (243–251): а) память о вечности (243–244) и б) ее отдельные проявления в великом и в малом (244–250); с) не степень чудесности, но одинаковая чудесность и лишь разница ее объектов (250–251)

XII. Обзорение всех диалектических моментов мифа с точки зрения понятия чуда 251

1. Диалектическая необходимость (251–252). 2. Не-идеальность (252). 3. Вне-научность и специфическая истинность (253). 4. Не-метафизичность (253–254). 5. Символизм (254–255). 6. Отрешенность (255–256). 7. Миф и религия (256): а) диалектическое место науки, морали и искусства (256–258); б) параллельная диалектика в мифе — богословия, обряда и Священной истории (258–259); с) сущность религии — не мифологии, но — таинства (259–260); d) религия — задний фон мифологии (260–261). 8. Сущность мифического историзма (262–265)

XIII. Окончательная диалектическая формула 265

XIV. Переход к реальной мифологии и идея абсолютной мифологии 269

Вступление (269–271). 1. Диалектика есть мифология, и мифология есть диалектика (271–273). 2. Обзор синтезов абсолютной мифологии (273–277). 3. Продолжение (277–286). 4. Сводка (286). 5. Несколько примеров на цельные мифы из абсолютной мифологии (286–291)

Примечания. В. П. Троицкий 292

Лосев А.

Л 79 Диалектика мифа / Алексей Лосев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 320 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-07840-6

Алексей Федорович Лосев (1893–1988) — выдающийся религиозный мыслитель, философ, переводчик, комментатор античной и средневековой литературы. Исследуя природу мифа, Лосев определяет его как синтез четырех понятий — личности, истории, чуда и слова. Согласно философу, миф есть «в словах данная чудесная личностная история», «развернутое магическое имя». «Диалектика мифа» (1930) — самая известная работа А. Ф. Лосева, в которой наиболее полно выразилось философское кредо автора.

УДК 165.9

ББК 87.3(2)6

Литературно-художественное издание

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ ЛОСЕВ
ДИАЛЕКТИКА МИФА

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Станислава Кучепатова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.12.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFA-15844-04-R